

МЕДИЦИНСКИЕ СЕСТРЫ

Фото Р. Бенарю

Если завтра война, комсомолка Тоня Козлова сменит свою кипу профессора оператора Комсомольского радиуса метрополитена на боевую профессия медицинская сестры.

...Прерывисто загудел в ночи завожковой гудок. Его подхватили карнозные свистки. И на перекрестках, площадях загворили радиопропоры: «Воздух тревога! Внимание, граждане! Воздушная тревога!»

Затный светом город быстро растаял в тьме. Погасли фонари и исчезли огни рекламы, слепой мрак поглотил яркие окна зданий. — Воздушная тревога!

Замерло движение на улицах. Звенья охраны порядка помогли прохожим укрыться в газобезопасных. Тшина и темь сковали город. Лишь время от времени по опустевшим магистралям проносились машины особого назначения. В это время выходят на работу медицинские отряды. Сумки с медикаментами — за плечами, носилки — в руках...

По вочному небу скользят голубые мечи. Вот два из них пересеклись, остальные примкнули к этому световому кресту.

Воздушный свраг захвачен в ослепительное скрещение, параллельно светом мощных прожекторов, неотступно следующих за ним. И без промаха бьет по пойманному «противнику» зенитная артиллерия. Самолеты пошли в штопор, провалились в черную пропасть...

Но все же несколько машин «противника» прорвались к городу. Наудачу сбросили бомбоны своей груз в невидимую ночью цель.

Пылала городская окраина. На

местовой лежали первые «раненые».

Рядом с пожарной командой работали команды медицинских сестер.

Пять девушек поднимали улавных. Тоня Козлова сопровождала «обожженных» на мелдукт. Санитарная машина с трудом пробиралась в суматохе пожара. Да еще тут и там загорались дороги огненные гиздета термита. На тушение пожара не хватало рабочих рук, и санитарам часто самим приходилось браться за куль с песком и очищать себе путь.

Сдав пострадавших врачу, сандржиники Козлова получила задание — работать на пожаре. Растроанная девушка руководила работой носилочного звена. Трудно пройти санитарным автомобилям по улицам, заваленным дымящимися бревнами, запруженными людьми. Здесь незаменимы санитарные звенья знайчиков ГСО. Они тут же, на месте, делают перевязки, останавливают кровотечение, накладывают шины на пере-

Профессора медицинская сестры требует знаний, опыта...

лом, приводят в сознание людей...

Еще не миновала пожарная опасность, не разбежались команды, как над горьким районом внезапно взызли ручные сирены.

Достаточно раз услышать этот зловещий вой, чтобы запомнить его навсегда. Ручными сиренами подается сигнал химической тревоги.

Химическая тревога... Никто ее не ждал. «Вражеские» самолеты сбросили вместе с зажигательными также и химические бомбы замедленного действия. И когда прошла угроза воздушного нападения и люди были заняты борьбой с огнем, начали одна за дру-

гой взрываться химические бомбы. Глухой звук их разрыва терялся в общем шуме. К людям незаметно подкрался яд. Бомбы обвалили людей брызгами жидкого люизита. Пораженному люизитом может спасти немедленная санитарная помощь — необходимо снять ядовитые капли с кожи, отправить пострадавшего на обывочный пункт. Умелая «санобработка» в первые минуты после отравления решает все.

Тоня Козлова по сигналу химической тревоги в три секунды надела противогаз. Запасшись противогазами для пострадавших и всем необходимым для медицинской помощи, ее звено работает на участке заражения. Крепкие нервы и неумтомность Козловой особенно ценны в эти минуты.

Сложные перевязки с наложением жгута и шин, помощь отравленным, вынос их из зараженной атмосферы, доставка к санитарным машинам... Все это надо делать, дорюжа каждой секундой.

Почетна и трудна работа медицинской сестры! Ведь от ее умения и знаний зависит жизнь бойцов. Медицинская сестра должна знать, как обращаться с ранами — резаными, рублеными, колотыми, равными. Медицинская сестра должна в совершенстве уметь предохранить рану от заражения, уметь сделать перевязку. Перевязка раны — искусство, от которого зависит спасение человека.

Тоня Козлова умеет останавливать кровь при самых серьезных ранениях. Для этого надо хорошо изучить анатомию человеческого тела. Тоня знает, например, что, для того чтобы остановить кровоотечение на рану на голове, необходимо прижать наружную височную артерию; что при кровоизлиянии из подмышечной артерии к первому ребру, и т. д.

Тоня Козлова знает, как оказать первую помощь человеку при переломах, ожогах, поражениях электрическим током или химическими

отравлениями. Быстро, четко и вместе с тем веселая работает она. ...Прошли самые тревожные минуты после воздушного налета «противника». Команды противовоздушной обороны, медсестры, входившие в группы самозащиты, очистили район. По детгазированным проходам вынесены раненые. Протяжные гудки фабрик и заводов дали сигнал отбоя. Опасность миновала.

После горячей работы медсестры обсуждают успехи и неудачи учения. Сейчас बात только учения тревога. А вот год тому назад, в боевой обстановке у озера Хасан девушки-медсестры показали, как хорошо они умеют работать под настоящим артиллерийским огнем настоящего противника. Медсестры спокойно делали перевязки раненым, выносили их из-под огня. Сколько славных героев-хасанцев с благодарностью вспоминают спокойных и умелых советских девушек, оказавших им первую помощь на поле боя.

После сдачи норм ГСО 1-й ступени и отличной учебы на курсах РОКК Тоня Козлова готова к сдаче норм на ГСО 2-й ступени. Это экзамен на высокое мастерство медсестры. Знайка ГСО 2-й ступени должна уметь ходить в санитарную разведку. В авангарде частей идут медсестры для того, чтобы безошибочно определить, не заражена ли местность бахиллами, не отравлена ли вода.

Медицинские сестры охраняют здоровье бойцов. Они оберегают воду, дезинзируют землю, дома и одежду, ведут борьбу с инфекционными заболеваниями. Помимо, какое огромное значение имеет их работа в условиях боевой обстановки.

...После учебной тревоги Тоня Козлова возвращается к своей основной работе. Перед ее глазами табель — световая схема, где изображены все пункты, стрелки, светофоры, линии метро. Тоня Козлова — лучший оператор Комсомольского радиуса метрополитена. Но, если потребуются, Тоня покинет свое место у табеля, перекинет через плечо сумку с медикаментами и в главе отряда медсестер выйдет на новую боевую учтку.

Н. Попова

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
иллюстрированный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
Год издания XVI № 8 август 1939 г.

В НОМЕРЕ:

ДВАДЦАТЬ ПЯТИЯ (передовая).

А. СЕРОВ — Герой Советского Союза — Летчик-истребитель (посмертная статья).

ГЕЗА ВЧЕЛИЧКА — Маленький фильм (рассказ).

ДЭН ПО-ЛИН — На дорогах Китая (рассказ).

М. ШКАПСКАЯ — Сон Веры Павловны (очерк).

Л. УСПЕНСКИЙ — Летчик Селепень (отрывок из романа).

С. ГАРБУЗОВ — На Дальний Восток (очерк).

Л. ПЛАТОВ — Башко к сердцу (очерк).

С. БЕЗБАХ — Оборона Полтавы (исторический очерк).

А. С. ПУШКИН — Полтава (отрывок из поэмы).

А. ЮРИН — За стенами школы (очерк).

МИХ. КОССОВСКИЙ — По щучьему велению (фельетон в стихах).

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОИНА Н. Попова — Медицинские сестры.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: Первая империалистическая война. Станция Пулковской обсерватории.

Шахматы; авиационный чайновод.

Рисунки: А. Шульца, Д. Дубанского, Б. Анфилова, В. Урина.

Фото: Р. Бенадио, Л. Коробова, М. Аваньяна, Д. Дебцова, Н. Гуцица, И. Драньина.

На обложке: В орнаменте Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Фото И. Гуцица.

На обороте обложки: Летний день. Фото И. Шапина.

16 августа — День авиации — любимый праздник советского народа.

Наш народ по праву гордится своей авиацией. Советским летчикам принадлежит большинство мировых рекордов по дальности и высоте полетов. Советские парашютисты и планеристы — лучшие в мире.

Ни в одной другой стране нет таких смелых, выносливых и мужественных пилотов, каких имеет Страна Советов. Наши летчики прославлены в боях у озера Хасан. Сталинские соколы проучили японскую авиацию у озера Бун-Нур, где самуран нарушали границы Монгольской народной республики, с которой СССР связан договором дружбы и взаимопомощи.

Наши гордые соколы готовы разбить любого врага, если он посмеет посягнуть на нашу великую социалистическую родину. Летчики наши будут бить врага на его же территории.

Нет ни одного крупного города в нашей стране, в котором не было бы аэроплуба. Во многих селах и аулах построены парашютные вышки, оборудованы аэродромы. Сотни и тысячи юношей и девушек, пламенных патриотов социалистического отечества, овладевают летным делом. Каждый год авиация Красной Армии получает подготовленных бойцов. На нашем снимке: комсомолец-летчик В. М. Зарин, бывший токарь завода «Труд» [город Горняки]. Сейчас он служит в Н-ской авиачастии РККА Московского военного округа и является отличником боевой и политической подготовки. Молодой рабочий парень стал смелым и отважным летчиком. Товарищ Зарин совершил около 100 прыжков с парашютом.

ДВИЖЕНИЯ ЮНОШЕЙ

СЕМНАЦАТОГО апреля 1916 года в столице Швейцарии — Берне — состоялась вторая международная конференция социалистических организаций молодежи.

Инициатором этой конференции был Владимир Ильич Ленин, который руководил работой делегации ЦК большевиков. В работе конференции приняло участие 14 делегатов от 10 стран. Конференция высказалась против империалистической войны, против милитаристов — организаторов этой войны. Революционная молодежь на этой конференции выступила против вождя II Интернационала, посягнувшего интересам рабочего класса. Только при решении было принято Международную антиимпериалистическую юношескую декларацию пропустить Международной антиимпериалистической юношеской день. Первый МЮД был проведен 3 октября 1916 года.

В этот день на демонстрации, прошедшие во всех странах мира, вышло больше делегатов молодежи. Они несли на своих знаменах лозунги борьбы за мир, против разгромавшей империалистической войны — войны кровавой и несправедливой.

С каждым годом проведение Международного юношеского дня приобретало все более революционный характер. Молодежь капиталистических стран выходит в этот день на улицы с требованиями политического и экономического характера, с лозунгами борьбы против империализма, лозунгами солидарности с рабочими в мире социалистическим государством рабочих и крестьян — СССР.

Международный юношеский день — это день боевого смелого революционных сил молодежи, день борьбы против империалистической войны. Молодежь проводит в период нового экономического кризиса, захватившего буржуазный мир, и второй империалистической войны. Уже 2 года Япония ведет несправедливую войну против Китая, пытаясь захватить все богатства страны и ликвидировать независимость великого китайского народа. Но Китай, вела справедливую, национально-освободительную войну против захватчиков, становится боевой державой. Единство китайского народа крепнет в борьбе против врага.

Перед миром явил выгоды капитализма налицо. Капиталистические пролетарии во все время пытаются втянуть Советский Союз в войну. Но наша страна благодаря гениальной политике партии и вожди народов товарища Сталина стоит неприступной крепостью. Мы шеники неизменно проводят ленинскую политику: выступают против империалистических войн, которые приносят бедствия капиталистическим странам, нужду и голод в странах трудящихся.

Для трудящихся капиталистических стран СССР — их надежда, их будущее. Угнетенная страна, угнетенный народ и борющаяся против агрессоров.

Молодые поколения буржуазных стран переживает тяготы и лишения экономического кризиса и второй империалистической войны — нынешний кризис,— говорил товарищ Сталин в своем историческом докладе на XVIII съезде партии,— будет тяжелее и с ним будет труднее бороться, чем с предыдущим кризисом.

А это значит, что экономическое положение зарубежной молодежи станет еще более тяжелым, потому что молодежь в капиталистическом обществе — самая боеспособная часть трудящихся.

Что испытывает молодое поколение буржуазных стран? Безработица, голод, жестокая эксплуатация рабочих, концентрационные лагеря, заточение в тюрьмы, истощение, пытки — вот картина, которая открывается за рубежами нашего социалистического государства.

В Америке больше 4 миллиона безработных юношей и девушек. Но и это еще не все: к этому следует прибавить еще полтора миллиона подростков, занятых нелегальной работой. Городская армия — почти 6 милли-

он, т. е. треть всей трудоспособной молодежи США,— обречена на голод и ауку. В Нью-Йорке бродят без работы 375 тысяч человек, окончивших школы. Капиталисты пользуются безработным положением рабочих молодежи, и снимают ее и без того ишнейские заработки. Тысячи юношей и девушек, работающих в качестве учеников, не получают никакой заработной платы. В городе Индианаполисе (США) было обследовано положение 3800 рабочих в возрасте до 24 лет. Оказалось, что половина из них занята кустачными и заработной платы не получают.

Безработица и нищета приводят к моральному разложению молодежи и к росту преступности. В штате Пенсильвания (США) 50% молодых людей в возрасте до 20 лет было вынуждено отказаться от своих планов на будущее и искать самой тяжелой неквалифицированной работы. Тысячи молодых людей, потерявших всякую надежду в жизни, становятся на путь преступлений.

В США в 1938 году половину всех судимых приходится на подростков, расстреляны, подвезды и ограничения составляла молодежь в возрасте до 25 лет. Если раньше среди молодых преступников преобладали неграмотные и малоразвитые, то теперь в тюрьму попадают юноши и девушки с высшим и средним образованием.

На заводах Японии установлен режим жесточайшей эксплуатации. В промышленности применяются детский и женский труд как наиболее дешовый.

За последние годы количество детей от 12 до 16 лет, занятых в промышленности Японии, увеличилось на 250%. Вот как меняется положение молодых девушек, эксплуатация которых усилилась во время войны, профессор Хале Сейбел:

«И обследовал положение молодых девушек на японских фабриках. Среднего заработка рабочих насчитывается 940 965 полтонок, не достигших 16-летнего возраста. В результате ишнейских условий жизни и тяжелого труда подростки, не успевающие еще окончить среднюю школу, среди них встречаются туберкулез».

Рабочий день детей длится 13—14 часов, заработная плата ничтожна. Безвыходное положение толкает молодежь на путь самубийств. Большинство самубийц, как пишет об этом японский буржуазный журналист Хасегава,— юноши и девушки в возрасте до 24 лет. Разорившиеся крестьяне продают своих дочерей, 13—15-летних девочек, а публичные дома в Японии больше 10 тысяч публичных домов.

Во всех странах мира крепнет народный фронт трудящихся. Все передовое человечество объединяется для борьбы с поджигателями войны.

Рабочая молодежь Испании, добившись единства, показала свою силу в борьбе с реакцией.

В Объединенном социалистическом союзе молодежи Испании было полуцифровано молодых людей, которые в течение 2½ лет героически боролись с врагами. В момент предательского прохода испанцы в пути Касало — Вестер — Мадрида Объединенная социалистическая молодежь сохранила свое единство и не стала на путь капитуляции.

Революционная воля испанской молодежи не сломлена. Героически борющиеся республиканцы продолжают сопротивляться. И в условиях глубокого подполья революционная молодежь, руководимая коммунистической партией Испании, выступает против поработничества.

Вокруг Объединенной социалистической молодежи Испании растут силы, стоящие за единство.

В Китае коммунистический союз молодежи привнес в свою организацию в широкие массовые «союзы молодежи» за спасение родины, главная задача которых — освободить Китай от японских захватчиков. Молодые патриоты продолжают борьбу героической борьбой с японскими самураями.

В Бельгии еще в 1936 году коммунистической и социалистической союзы молодежи добились объединения. Создана Социалистическая молодежь гардии — единая организация рабочих и трудящейся молодежи Бельгии. Реакционные элементы бельгийской рабочей партии неоднократно отнеслись к единству молодежи и попытались сорвать его. Они исключили во Брюссельскую организацию из Социалистической молодежи бельгийской рабочей партии, но молодые товарищи выступили против оппортунистов и добились сохранения единства.

Среди английской рабочей молодежи идея единства нашла широкий отклик. Достигнутое полное сотрудничество работников рабочего класса и единство молодежи. В истории Англии никогда еще не было такого сильного революционного движения молодежи, как теперь.

В единстве — главное условие победы. Нужна объединенная молодежь — победит. Против единства противно буржуа трюкисты — гнусные предатели интересов рабочих. Враждебно относятся к единству рабочего класса, к единству молодежи оппортунистические лидеры II Интернационала социалистических партий. Вожди II Интернационала понапрямому готовы к услужливому сотрудничеству и превращают к капитализму. Предатели из II Интернационала пытаются расколоть единство рабочего класса и единство молодежи. Руководители Социалистического интернационала молодежи идут за реакционными лидерами II Интернационала. Они намеряются поглотить МЮД Объединенной социалистической молодежи Испании. Но единый фронт ширится и крепнет.

Коммунистический интернационал молодежи последовательно проводит линию Коминтерна на расширение единого фронта молодежи. КИМ борется за слияние всех сил молодежи против империалистической войны, разлагая молодежи отношение большевиков к справедливому и несправедливому войнам.

***

Победа социализма в СССР наведет на жизнь советского народа безбедность, физические и моральные страдания, нужды и нищеты, от всего, что приносит молодежи капитализм.

Составная советская молодежь встретит 25-й Международный юношеский день новыми успехами на всех фронтах коммунистической партии. Молодые патриоты горят гражданским доверием, которое им оказали партия и правительство. Ряд важнейших новостроек третьей пятилетки создается руками молодежи. Комсомол — шеф строительства большого морского и океанского флота. В социалистическом соревновании шагает Третья Сталинская Пятилетка участвуют миллионы молодежи.

С каждым годом улучшается материальное и культурное положение молодежи страны социализма. Благодаря работам партии и правительства СССР растет самое культурное молодое поколение мира.

В 1938—1939 году вся юная обучена в СССР охвачены 47,5 миллиона человек. В будущем их будет 550 тысяч человек. В Европе — в Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Отличительная черта советской молодежи — большевистская идейность, беззаветная преданность делу Ленина — Сталина. Коммунистический интернационал молодежи — это боевое и идейно чистое молодое поколение исторических решений XVIII съезда ВКП(б). Советская молодежь неустанно овладевает марксистско-ленинской теорией, изучая «Краткий курс истории ВКП(б)».

Составная советская молодежь не знает и никогда не будет знать узаконенного капиталистического рабства. Молодые патриоты нашей страны окружают заботой партию большевиков и великого вождя народов товарища Сталина.

Советская молодежь, преданная партии Ленина — Сталина защищает от том, что страна социализма находится во враждебном капиталистическом окружении. В 25-й Международный юношеский день советская молодежь имеет раз продемонстрирует свое боевое и идейно чистое молодое поколение и правительства выступит на защиту границ социалистической родины и уничтожит любого врага.

Маленький ФРИЛИН

Рассказ

Рис. В. Урина.

Старший сын Фишеров учился на пекаря. Это был мальчуган с волосами цвета снежной рябы и белоснежными ресницами. Маленький Фрэнк стал «фрилином» — так называют пекарей, — стал «тосткой-печалью» — как прозвали учеников пекарские подмастерья.

В первый день учителя мастер Жемандин проказал Фрэнку, как работают в пекарне. Малодородный, несчастья, застенчивый Фрэнк был очень нерасторопен. Сюда, в этот душный, горячий смрад, в запахи хлеба и смыхадров, его привели прямо от кучи песка и камней у Каменистого моста, от шумных мальчишеских игр у реки.

Его привели от сестер Юльки и Жофин, маленьких школьниц, которые вечно дразнили мальчика, но очень крепко его любили. А пришел его папаша Фишер, некрасивый бледный человек, который крепко бил, дрался в трактирах и, возвращаясь домой, неудержимо буйная, сокрушая мебель, избивая жену и детей.

Мать, напуганная, работающая женщина, отсутствовала Фрэнку парой легких шлепков и двумя крейдерями в утешение.

Кончилась скверная ребячья вольность. За семью горами свертывая четырнадцать летних лет. Началась жизнь в чуждой, душной пекарне, под вернейшей керосиновой лампой, свисающих с закопченного потолка. В углу пылала печь, огромная, решетчатая, сразу на сорж хлеба. Около нее маленький Фрэнк учился на «фрилином».

Было семь часов вечера. В пекарне уже собралось все шестеро подмастеров. Они смеялись, шумели и понемуному приставали к работнику.

С Богом, разная, заметки-ка нам почеч! — закричал подмастерье Черный, охотник до шуток и веселых прощаний.

Фрэнк вытиснул из бочки с водой ровную помелку — просто пучок соломы на палочке — и принялся выметать пепел, глущие

уголья и головешки из пышащего зноем огромного жерла печи.

В три часа ночи хозяин пересчитывал булочки, калачи, кренделя и сломы, а в пять часов, когда подмастерья садились, наконец, за стол, он давал «фрилину» Фрэнку по корзине в каждую руку и отправлял его в обход тракторов и мелочных лавок.

Летом это было почти приятно. Светело солнце, шумели лавки. Фрэнк, маленький сонный заморыш, плелся не спеша. Он думал о том, как хорошо сейчас на террасе у воды. Наверну, у месяца, жмут серые полевые мыши. У него, наверное, уже родились мышата. Фрэнк помнит, как он с товарищами, вооружившись большими железными прутьями, которые они стащили из пактуза, охотились за мышами. Мальчишки разрали весь склон и откопали десятки мышиных гнезд. Взрослые мыши серыми стрелками рассыпались в стороны, а в гнездах выставили шерстью, травой и трипками, остались слепые, круглые, дрожащие мышата.

Ребята брали их на ладоны, заставляли ползать, а потом утопили в речке под мостом и отправляли сражаться с мальчишками с Петровской площади. Эй, и битва была! Плетели камни, звенели оконные стекла, пруты гуляли по врезским стенам. А над всем этим шумели деревья, пели птицы и дрожал золотой солнечный свет.

Фрэнк шел, поправляя корзину с маковыми калачами. Он от отдавался сладким воспоминаниям, но опять возвращался мыслю к своей непосильной, несущающейся работе, к запаху толстых углей, горючего сахара и йода, к этому тяжкому осеннему деню, к неотступному труду, для которого люди почему-то назначали ночь.

Фрэнк не давал покоя вопросам: какой илнот выдумал петь булки ночью? Кто сказал, что их нельзя есть свежими, именно по утрам? Кто внушил людям мысль, что утром

надо завтракать и что пекарь, несчастный «фрилин», должен работать, когда другие спят? Когда так сладко снится темнота, ночью? Какой злой бог на небесах выдумал ночную работу для детей?

Зимой было много хуже. Синяя снежная тьма. Фрэнк уже не тащился как улитка со своей корзиной. Он шел, задвывая корзину за углы домов. Он ссорился с продавцами моркови и сардинок, подозревая их в желании обокрасть его, а сам, когда лавочки не гледились, старался стащить что-нибудь «сестрое». Однажды это кончилось плохо: пан Смырадов, торговец колониальными товарами, поймал Фрэнку с поличным и накалывался хошину. Тот зверски избил Фрэнку тонкой длинной пекарской лопаткой. Фрэнк думал, что у него переломаны руки и ребра. Трое суток он был весь в синяках и едва двигался, так что хозяин струшуил и послал разносить товар одного из подмастеров.

Пять часов, леденящее утро, синия тьма, снег и мерцающие желтые звезды на небе.

Фрэнк шел, записывая, задвывая корзину за углы домов. Он ссорился с продавцами моркови и сардинок, подозревая их в желании обокрасть его, а сам, когда лавочки не гледились, старался стащить что-нибудь «сестрое». Однажды это кончилось плохо: пан Смырадов, торговец колониальными товарами, поймал Фрэнку с поличным и накалывался хошину. Тот зверски избил Фрэнку тонкой длинной пекарской лопаткой. Фрэнк думал, что у него переломаны руки и ребра. Трое суток он был весь в синяках и едва двигался, так что хозяин струшуил и послал разносить товар одного из подмастеров.

Фрэнк метил по-своему. Он объявил войну всему хошину, лавочникам, подмастерьям, — всему, что было связано с пекарским ремеслом, с этой гнусностью, которая называлась работой. Фрэнк быстро научился «подкастывать коню», т. е. красть булки и пакеты под самым носом у хошины и путать счет в свою пользу. Часть украденного он сразу же съед на улице, не спеша, наслаждался, с чувством. Часть осторожно, как лисенок, тащила домой — матери и сестрам, но большая часть проваляла, добавляя себе таким образом карманные деньги.

Вернувшись налегке, он с воровскими глазами и невинной улыбкой сдавал вымучку кошачьише припрятан в чужие или носовым платке.

По возвращении Фрэнк обычно получал большую кружку кофе. Зимой это была прямо райская благодать! Кроме того ему было позволено поспать у печи. А потом опять корзины в руки — и марш.

К полудню Фрэнк бывал обычно голоден, как волк, и так закидывался на обед, что подмастерья потешались над его торжественностью.

«Настоящий обед» давали по вторникам, четвергам и субботам. Он состоял из порции картошки с подливкой. К ней «матушка-хозяйка» добавляла кусочек говядины. Картошка с соусом Фрэнк уплетал за обе щеки. Не один блюдо он яростно ненавидел: это была слоеная булка, шарлотка. Сладкая шарлотка с изюмом и миндалем, прунята молоком и маслом, с яблоками и корицей.

О, эта золотистая, пахучая, мушкетная шарлотка!

Первые дни у Фрэнки при взгляде на нее загорались глаза. Но это было недолго. Шарлоткой, которая так поправлялась мальчишки, в пекарне кормили только в понедельник, но и в среду и в пятницу. Одна и та же шарлотка, всегда обсахаренная, молочная, противная...

К картошке была хоть подливка, иногда луковая, иногда грибная, иногда даже мясная. А шарлотка... Фрэнк съедал ее только с голлодуху. Его мутило от этого приторного меду, сделанного из остатков старых калачей и булок, изкороченных и вымоченных в сладком мюке.

Зато в воскресенье были «звистра» завтрак и обед, как выражался хошилка. Подмастерья давали вчерашние калачи и кусок свиного сала, сделанного в этом обиде Фрэнк мечтал всю неделю. После обеда шестеро подмастеров отправлялись по домам, чтобы выспаться для новой бессонной рабочей ночи.

которая началась с восьми часов вечера. Франта еще должен был всуду прибрать, поместить, все приготовить для работы. Только в час или в два, когда он уже стал на ходу и валился с ног, «батюшка-хозяин» отпустил его домой.

Все бы стерпел Франта. И эти морозы, и то, что у него начали кривиться и болеть ноги, и даже шаршотку, но одна вещь приводила его в совершенное бешенство, возмущала безгранично и буквально убивала. Это было вставание в шесть часов вечера. Сестры и мать обычно будили его. Будили на работу. Вы только подумайте! Ведь он спал, ведь это было блаженство, ведь — что за проклятая жизнь! — он лег только в два часа, а теперь в шесть уже должен вставать! Уже на работу!

Франта с отчаянием, с бешеным зарыванием в перину, дышал, как больной лев, вставая зубами в наволочку — он же вставал потный, скринившийся от злости, совершенно поплазанный, бессильный.

Сзади на постели тяжело дышал отец Франты. Он тоже был пекарем, но вставал на час позже.

Франта стискивал зубы, исподлобья глядя на отца. Этот человек, этот зеленый заморыш — его отец. Он умеет напиваться встелу и громить кувалдой, он умеет бить миссис Когоутек, что на Доминиканской улице. Вот он, виновник всех моих бед. Он против моей воли послал меня в пекарню. Наверное, он думал при этом: «У меня забубелась жизнь, пусть же будет забубелась и у Франты».

Франта одевается и размышляет: «Есть ли бог? Кто знает! Господи, помоги мне, если ты существуешь! И как только ты допускаешь все это?»

Иногда в приступе тоскливой надежды Франта замирался в уборной и воступленно молился богу. Молился, полный упования и трепета, молился так горячо, что у него глаза наливались на висках.

— Господи, помоги мне. Побей громом хозяина и главного подмастерья! Обоих побей до смерти! Сделай это, о господи, развеси их на четыре куска!

Потом Франта впадал в умишение и скрипел зубами:

— Господи, если ты есть, спустишь и убей меня! Нет, тебя вовсе нет, зря я с тобой тут voluntary.

...Франта оделся. Он не улыбаюлся маленькой белокурой Жюффи, которую так любил, не плеснул толстой Юльке, с которой раньше охотно затевал потасовки. Холодно взглянул на мать и еще раз прислушался к отцовскому храпу. Хочешь не хочешь, надо идти.

Подмастерье, пан Черный, был уже в пекарне и месил тесто. На печи чадилла лампа. Другая лампа болталась над столом. В кашине была приготовлена завеска. Пан Черный засыпал новую порцию муки для белого теста.

В восьмом часу пришли еще двое подмастерьев и принялись за работу. Это были двое «пятаков». На их обязанности лежало месить тесто, делать булочки и крутить бублики.

В два часа ночи все было готово. К утру Франта торопливо выносил тесто на двор, чтобы не переиско.

— Летай, пеньдь-тоска! — кричала ему.

— Пекан! Габетин разжег печь и пока «пятак» Вена «мотал» бублики, Габетин, распевая песню, засыпал в тесто тмин.

Подождав молодой Грушка. Увидел, что Франта заснул стоя, приоткрывши окошко ларца с мукой. Грушка разбудил его ползатыльником и послал к пекарю Соутраду. Покойная тудя, Франта подскок и вынул от боли. Соутрад «разбудил» его, незаметно подсыпав горничий пепел под босые ноги мальчика.

Франта хихикал, подпрыгивая на одной ноге. — Это чтобы ты не спал, развя! — смеялся подмастерье. — Эх, ты, недотеп! Мы, небось, успели выспаться, а ты почему нет?

Когда тесто было готово, его резали на равные доли, и потом всю ночь подмастерья стояли у стола, делая булки.

Франта вынырнул от усталости. Ноги болели и подкашивались. Смыкались глаза. Руки автоматично мяти пахучее тесто.

— Франта, подмести! Франта, насыпать муки!

Хлебы повесили в печь. Пекари уехали на мешки.

В окно глядело утро.

Товар был готов. Пришел хозяин и начал просматривать его, отбрасывая брак. Когда послышался «Развива, содай!» Франта вскочил и ринулся к корзинам. Началась посылка товара, и тут солидность Франты как рукой спала. Он был весь внимание. Как бы сплутывать, как бы надуть «батюшку-хозяина»!

Немного погодя, с двумя корзинами в руках, Франта, сутулясь, нетвердой походкой выходил на улицу.

Занимался утро.

Франта, наконец, выучился и стал «пятаком». Казалось, он уже привик к ночной работе, к кислому тесту, к огромной печке. Ему положили жалованье — две кроны в неделю.

Но нет! Во Франте жила старая болезнь — жгучая тоска по свободе. Никогда не вчераша она совсем, а только утихла на время. А потом снова оживала и светилась в горячих глазах Франты.

Франта становилось не по себе, он злился, нерячлил. Ох, эта отцовская непоседливость в крови!

Разве эта жизнь — все работа, работа, рабо-

та! Да еще ночью. Ни праздника, ни улыбки, ни забавы. Сложники — и те гуляют по воскресеньям. Строительные рабочие выезжают за город. Ремесленники всех профессий устраивают воскресные пикники в Строммакс с музыкой, с лотерей-аллерги, с танцами. Портные разнообразят свою серую жизнь выпивками на Строммакс.

Только мы, пекари, несчастные филиппины, не знаем радости. Весенние цветы, утреннее солнце — все это не для нас, все это мы прощаем. Вместо них — жар огромной решетчатой печи. На рождество мы точно изготавливаем лошади: всем нужен свежий кондитерский товар.

«Батюшка-хозяин, тот на рождество хоть набивает монету. А мы? Знают ли вообще люди, что такое для пекаря рождество? Пусть всякому, в ком есть хоть капля совести, пусть всякому, кто знает, каково башиню о небывалых успехах. Надо, кроме всего прочего, кое-какую пошатнувшийся авторитет ирландского оружия».

...Заснувши руки в карманы, Франта тащился в пекарню.

Перевод с немецкого

Юрия АКСЕЛЬ

Рисунок Д. Дубинского

Господин Писловский запечатлел для потомства образ господина Зибки, известного любителя озерных прогулок (Хасви, Бур-Нур).

НА ДОРОГАХ КИТАЯ

Рассказ

ШИРОКИЕ языки огня, точно гигантские змеи, ползли по стенам и крышам домов, магазинов и складов. Дорога разрушенной японской артиллерией и бомбовосада голые японские дозоры бродили по ним, переламываясь шутками и любясь чудовищной ласковой огни.

Пятнадцатилетний мальчик, оглядываясь по сторонам, ползком пробирался к разрушенному двухэтажному дому.

Осторожно перебираясь через гурду кирпича, он ускользнул и свалился в глубокую воронку. Вдруг под ним кто-то завшедел. От страха мальчик закрыл глаза.

— Т-с-с-с-с... Не бойся! — услышал он шепот неизвестного.

Мальчик вздрогнул и открыл глаза. Перед ним на коротких сидел китаец лет двадцати летрех.

— Привынешь от японцев? — спросил китаец.

— Да, — робко ответил мальчик.

— Я тоже... А ты эдакий?

— Да, — пробормотал мальчик.

— Ну вот и хорошо... Вместе веселее... — спокойно сказал неизвестный и пододвинул к мальчику... — Ну, чего ты молчишь? Меня боишься? Ты знаешь, кто я?

Мальчик замолот голый.

— Меня зовут Сюй... Сюй из Кантона... В инженерной роте 137-го дивизии служил. Пошел Сюй... Я был ранен в руку, — продолжал Сюй... Наши отступили, а я не успел... Спасибо хромому сапожнику Вану... Ты знаешь хромую Вану?

— Да! Его все знают в городе, — успокаиваясь, ответил мальчик.

— Ну так вот, у него я и скрывался... Но сейчас стало опасно сидеть в городе, и я решил спрятаться, а через день — два попробовать выбраться за город и... Сюй при этом шепелянул языком, — к своему!

— А мне можно туда... с тобой?

Сюй улыбнулся и спросил:

— А сколько тебе лет? Как зовут?

— Пятнадцать, Дян Вень-и.

— А отец у тебя есть? — спросил Сюй.

Дян тяжело вздохнул и еле слышно ответил:

— Нет... Остался один... Японские собаки убили отца и мать.

— Ой-эй-эй! — пробормотал Сюй. — Вот собаки... Ужас зверский... Сколько наших людей побили! Но ты не печалься, Дян, — и он похлопал его по плечу. — Все равно мы их сбросим в море... У меня тоже... брат, никого нет... Крутой сорота... Будем мы с тобой как друзья-братья... Подем к нашим и будем бить этих собак...

Уже светало, когда Сюй и Дян выбрались за город. Весь день они промочали в густом кустарнике, недалеко от городской свалки. А когда стемнело, Сюй сказал:

— Пора в путь...

Шли они два дня и две ночи. По дороге не встречали ни японцев ни китайцев. Весь район бродил ястреб. Сюртужно стояли полуразрушенные деревни и хутора. Даже собак не видно было. На третий день, когда стемнело, усталый Сюй, облизывая пересохшие губы, сказал:

— Если бы ты знал, как я хочу есть... кажется, вемло ел бы...

— И я тоже, — ответил Дян. — Только я боюсь тебе говорить, чтоб ты не смеялся. В городе пересохло, а в животе все время: бррр... бррр...

Тогда завал отдохнем, вот там... видишь овраг? Полежим, травм пожему... Все же легче будет.

И они свернули к небольшому оврагу, в четверти ли от железной дороги Нанкин — Сюйчжоу.

Китайские бойцы.

Раструившись на земле, Сюй жевал траву и рассказывал Дяну о своих странствиях. Вдруг он замолчал на полуслове, приподнял голову и прислушался.

— Ты кто? — спросил Дян.

— Не слышишь? — глухо сказал Сюй. — По-еда идет... японцы... Наверное, оружие везут... Вот бы сковарнуть!

— Сковарнить? — удивился Дян. — Это как-сковарнить?

— Ну, развинтить рельсы: Вот поедет и сковарнется, полетит под откос... Я сам развинчивал...

— Вот интересно, — оживленно сказал Дян. — А сейчас мы можем попробовать?

— Ну, что же, — спокойно ответил Сюй. — Это можно... Пошли...

Они поднялись на плато железной дороги.

— А чем же отвинчивать? — все еще волнуясь, спросил Дян.

— Сюй посмотрел на него и рассмеялся.

— Смотри сюда, — сказал он, — вот видишь гайку? Возьми камень и потащишь бей по рубцу гайки... Вот так... Смотри...

Дян внимательно наблюдал за искусной работой друга и удивлялся легкости его рук.

— Ну, посмотрел и хватил. Наука простая, — сказал Сюй. — Пошли вперед, отвинчивай правую, левую не надо, Учись.

Дян взял небольшой камень с острым краем и стал бить по гайке. Осколки камня отлетали в стороны, попадали ему в лицо. Гайка не поддавалась. Руки Дяна дрожали, он злился.

— Отвинтил? — подползая к Дяну, спросил Сюй.

— Нет, — буркнул Дян.

— Эх, ты, а еще говоришь: подем рельсы отвинчивать... — засмеялся Сюй, вытирая пот с лица. — А у меня готово...

Дян крепко сжал левой рукой рельс, а правой толкнул ударил по гайке, но не расцвел и нию асей силой ударил по пальцам левой руки.

— Ум-м! — застонал он.

— Ты кто? — испугался Сюй.

Дян протянул левую руку. Сюй внимательно посмотрел, оторвал рукав своей куртки и крепко замотал пальцы Дяна.

— Эх, ты, дурачок... разве можно так? Надо осторожно. Сюя эдес, а я еще попробую отвинтить.

Сняв гайку с другого рельса, Сюй хотел было снять и с третьего, но не успел он проползти и пяти шагов, как из-за пригорка выскочил парочка, и затем показался длинный хвост товарных вагонов. Поезд шел по направлению к Сюйчжоу.

Друзья kamen скатились с насипа. Затем, пргруппившись, быстро побежали. В пол-ли от железной дороги они остановились и присели.

— Смотри, — шепотом сказал Дян. — Проектор.

Действительно, по рельсам скользили, точно пупальца гигантского скорпиона, ярые лучи света.

— Ничего, пусть освещают, — спокойно сказал Сюй. — Рельсы на месте, а гайк нет. Знеше...

И только он успел это сказать, как паровоз покочуился и с грохотом полетел под откос, улекая за собою вагоны. Точно из-под земли вырвался клубок огня и исчез в ночной мгле. Один за другим развалились огузные вагоны. Высоко влетели куски досок и металла. Дян покочулся, что земля вот-вот провалится. Закрыв уши, он бросился бежать. Бесед за ним кто было сип, побежала Сюй.

— А когда через десять дней утомительного пути Сюй и Дян, усталые и голодные, присели под вечер отдохнуть под вербой, стоявшей на окраине небольшой деревушки, они услышали резкий окрик:

— Стой! Руки вверх!

Вплотную к ним подошли три китайца в японской военной форме с винтовками наперевес.

— Оружие есть? — строго спросил пожилой китаец.

— Нет, — спокойно ответил Сюй.

— А у тебя? — обратился китаец к Дяну.

— Нет, — дрожащим голосом ответил Дян.

Когда их обыскали, Сюй хотел было рассказать, что они и куда идут. «А вдруг эти японские солдаты или манчжурцы?» — подумал он в спроте.

— А вы кто?

— Молчать! — строго ответил пожилой китаец. — В штабе узнаете, кто мы, а мы узнаем, кто вы. Не пытайтесь бежать, убьем на месте. Попшли!

Взоли во двор штаба, Сюй заметил на стенах фанзы большие плакаты с красными иероглифами: «Встань, китайский народ! Гони японских собак! Защищай свою землю, свои права и свободу!»

Сюй смело вошел в фанзу.

Выслушав рапорт старшего дозора, молодой командир, в виду робости, долго молча смотрел в упор то на Сюй, то на Дяна. Затем начал допрос. Подробно расспросил, что они, откуда и куда идут, почему остановились на окраине деревни. Сюй и Дян рассказали всю историю своего бегства из Сюйчжоу. Рассказали и о сваленном под откос японском военном составе.

— Хорошо, — улыбаясь, сказал командир. — Вижу, вы слабые ребята. А мы партизаны. Ну? Хотите остаться у нас?

Друзья радостно посмотрели друг на друга.

Барельеф скульптора С. Набоковского в павильоне «Сибирь» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

СОН ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

М. ШКАПСКАЯ

Чужесный сон приснился когда-то Веры Павловне, героине романа Чернышевского «Что делать?»:

«...громное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах,— или нет, теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, сдов и роз. Нивы это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные, изобильные. Неужели это пшеница? Кто ж видел такие колосья? Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы,— как же они растут на открытом воздухе?»

Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не ити ей быстро, я еще бы не петь им! Почти все делают за них машины,— и жнут, и выжут снопы, и отвозят их,— люди почти только сидят, управляют машинами... неужели это наша земля?

...с каждым годом людей, вы, русские, все дальше отодвигаете границы пустыни на юг... они изменяют температуру, как хотят...

...будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его...»

И вот оно приблизилось.

Лимоны и апельсины растут на открытом воздухе. Все дальше отодвигаются границы пустыни.

Золотые нивы колышутся по всему Союзу. Сюда пришли не они — только их маленькие «попиреды». Нивы высила своих «попиредов» на великой выставке советского земледельца — на Сельскохозяйственную выставку.

И вот он, этот дворец. Грандиозное здание павильона «Механизация». Огромный красивый ангар восьмью с 8-этажный дом. Он сияет торова из легких металлических конструкций и стоит на крепком железобетонном фундаменте. На фасаде павильона 6 тракторов «Сталиние» и два самолета сельскохозяйственной авиации. Внутри павильона, вверху — на специальной площадке — комбайны, вину — авто- и тракторостроение, сельскохозяйственная химия и авиация. На втором ярусе по ковчегу подуть все 260 типов наших сельскохозяйственных машин — все, к чему за годы сталинских пятилеток пришла мы от цеха, сохи и боронь,— огромная армия наших помощников, поставленная на службу социализму.

Мы вышли на первое место в мире по выпуску сложных сельскохозяйственных машин.

В жизнь нашей страны машина вошла помощником в другом. Один названия показывал, как много тяжелой работ переделывали мы на плечи этих помощников: севокомбинате, стонометателя, дистикоудалителя, чаеферомочника, грядоделателя, коррозиярника, сидюсочника и еще лесоподсодной машины, которая бережно высасывает из слоев карманов в грунт семени; картофелеуборочной,

которая сажает, окучивает, убирает и даже сортирует картофеля.

Есть машина для уборки свеклы. Другая машина облегает уборку хлопка. Вот электромагнитная самоочищающаяся установка «Серия и молота». В старинных русских сказках алая ведьма прикарывала девушке черн-вувшке отсортировать за одну ночь зерно от мусора. Теперь все это легко делает машина. Предположим, наша люцера смешана с сорняком, их надо разделить. Для этого вся масса смешивается с металлическим порошком. К гладким, полированным зернам клевера и люцерны порошок не пристает, а сорняк шершавый. Он легко обволакивается порошком и вместе с ним притягивается электромагнитом.

Парниковый комбайн Миртчана выполняет 22 вида работ: ровняет землю, сеет, поливает, прищипывает, отпрыскивает, отвозит на место оплош, проветривает помещение и т. д. Урожай от механических услуг такого комбайна повышается иногда чуть ли не в два раза.

Самая длинная русская песня — про лень — просто несокочаемая:

«Уж я сеяла, сеяла ленюк,
Уж я сеяла, приговаривала,
Я полола, полола ленюк,
Я полола приговаривала,
Уж я дергала, дергала ленюк...»

Павильон «Таджикская ССР». Хлопковый зал.

А после дерганья стала, а после стланья сушила, а после сушки мила, а кочич мить, трепала...

Работа еще длинее песни.

На выставке демонстрируется наш новый советский люкомбайн. Он заменит на лянном поле одновременный труд 120 рабочих. Он те-ребит, окучивает, вывет лев в снопы и делает все это аккуратно и чисто.

В павильоне «Механизация» есть новинки: широкозахватный 40-футовый «коммунар», гусеничный «СТЗ-НАИ», газосварочный «ХТЗ», электротрактор и водостанция, двигатель «М-17», локомотива Людовневского завода.

Сельскохозяйственные машины вошли в быт советской деревни крепко и надолго. По Дальнему Востоку уборка комбайнами достигла 70%, а в Крыму — даже 85%. С помощью машин колхозное крестьянство вышло на широкий путь зажиточной и культурной жизни.

Светлое и прекрасное будущее было для Веры Павловны волшебным сном. Советский народ, руководимый Лениным и Сталиным, стремился к этому будущему, работал для него — и оно стало нашим настоящим.

Уголок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Здесь расположены колхозная гидроэлектростанция и отдел птицеводства.

ЛЕТЯ

Л. УСПЕНСКИЙ

1916 год. Первая империалистическая война в разгаре. Русская армия отступила на южные и восточные фронты. Она не разбита прямо, она предана и продана вражеской верхушкой страны.

Эта большая тема лежит в основе нового романа советского писателя Л. Успенского. Герой романа—выдающийся русский летчик, штабс-капитан Евгений Селенья.

Евгений Селенья—экипаж-инженер, сын петербургского бутылггера с завода «Русский Люкер»—попадает в авиацию в самом начале этой чудовищной войны. Он пробил исключительные способности, стал одним из лучших современных немецких самолетов. Вместе с тем штабс-капитан видит глубокое моральное разложение общества, слышит разговоры о шпанах при дворе, о Гринко Распутине, о предателе-министре. Вместе с тысячами других бойцов он продолжает еще отважно сражаться, но горькое сознание бессмысленности и ненужности карьеры страданий растет в нем со дня на день.

—Машина выходит из виража прямо над Лунинской веткой. Потом она ложится на точный курс, доходит до большого плоского грибообразного облака и начинает прыгать за ним, как по часам, ходит медленными равномерными прямыми курсами. К железнодорожному мосту—и обратно. Мост? Что за мост? Что такое этот самый мост? Как? Вот эта чертовщина, там внизу, вроде вышло из головы пересуду, кто и есть мост? И поседая там ходит! Поздравляю! И смех и грех!

А все-таки, штабс-капитан, признайтесь-ка! Ведь если откровенно говорить, так вам немножко страшно? А? Чуть-чуть? Самую капельку? А?

Как он выводит «из» в таких случаях,—ему самому остается несным. Сколько ни объясни себе, есть в этом что-то такое, чего не объяснишь. Чуть? Инстинкт? Да... если хочешь...

Поле зрения необозримо огромно. Две полусферы вокруг летчика; верхняя—шесдесятая, вся в лиловой дымке. И он в центре этого шара. Да, летча найти пуговицу, обремененную в лесу, чем три жалких золотых пятачки, три чужих самолета в этом чапеобразном голубом хаосе извилил, пугли, полуптогов, всплех, неопределенностей.

Попустим—ха-ка!—такой образ: вы забрались в детстве на комод. На полу под вами разостлана огромная географическая карта. По ней возлуду три колесика три блонда. Их звук смертелен. Значит, вы должны их поймаи, прежде чем они вас заметат... О, боже мой, но как их поймать? Но, чорт возьми, вы их захватите! А как?

Самодя это возникло как легкий, но несомненный внутренний толчок.

Вот! Теперь где-то есть. Что-то случилось. Что-то появилось новое, чего не было в предыдущей секунду. А что именно? Где?

Еще нельзя понять, что-то? Нет, не то в звуке, а в свете солнца. Или, может быть, в вибрации воздуха? А как за хвостом? Нет, там пусто. Там голая, светлая лагура, клочок перистого облака.

Спокойнее. Жена, спокойнее! Только не терять себя. Убери газ... на секунду. Крошечный отрезок забитой веткой тишины, свет расколол... Да, так оно и есть: лудт. Идудт где-то? Но где? Ну, Женя!

Он снова сует сектор почти дооткачу вперед. Налево, из-под крайней стойки, как раз у коньки кюмла, ползет невидимая граница леса и шаши. Мерцунка и шахматная доска. Два хутора в оврагах. Церковь там или костел—что-то белое... Ничего, кроме самого обыкновенного вусного моря.

Вперед, изварту? И там пустошькое. Справа, вперед! Фью-у! Вот они газ, голубинки! Ага, поидите! Ага! Ура!

Острый веселый холодок—сразу по всем теле—с головы до ног. Холодок—и сейчас же горячее—на щеках, на колених, в груди, в сердце.

Разуется из-под правой плоскости пространство затенено его как огромным козырьком. Там столько клочков, деталей, изломов света, что оно кажется необозримым. И в то же время из него беспредельно вырывается один фрагмент. Точно жирно обмытая прилами выкопирка из карты.

Точно в свете молнии Женя Селенья видит косою перекресток белозвгих нитей, южные полотно, западное моста. Это горсточка домишек в узком буром кляну, и над ними—почти незримая, точно скользящая по ложному на земле толстому стеклу—три немца. Три? Женя, три? Верю? Да, да, только три!

Они идут угугами. Ведущий егальберштадт правее и выше. Замыкающий «альбартос» почти над железной дорогой. Спокойно лудт! Нахально. (А что—слеза? А слеза? Поздди? Нахально! Нага! Женя! Уже шесть секунд прошло. Так, так, вот так... Разворот на 35 градусов. Еше! Чуть-чуть еще! Вот хорошо—необор, но зато как раз, как раз по солнцу!

Несколько неммерных, но назавных человеческим взмахом клочков играли битком набиты чорт знает чем. Пора! Или пора? Сверку, по-казавский? Или под хвост? А, пора! Женя! Вот теперь пора-а! Ведущего! Ведущего! Проще всего...

6 часов 32 минуты. II секунда утра. Восемьдесят минутна резко опускает нос. Если говорить по-людски,—она становится вертикально. А так—это «никз по семидесяти».

Летчик Селенья на билане «выбор» также управляет огнями в дельти. Он ясен. Его нет. Осталась рука и глаза. И страшный ревуний комплекс—Ньюленг, Селенор, как хотите там называйте!—с сильным весом обрушивается с четырехверстой горы вниз.

Вперед, за прозрачным дымом винта, он видит одно: кресты. Два креста. Черны.

Он «глаголет» с сумасшедшим, нечеловеческим лицом. Бакоте? Да была—около пяти. А немцы? Полторы—не больше. Скорость на лизе? За двести, за двести. Значит, сорок. Сорок секунд! Сорок... Этого сверку, а потом? А чорт его... Потом—потом и будет...

Земля бокон прет вверх как шальная. Самолеты чудовищно растут, точно дыной выносит их кверху. А! «гальберштадт»! Духместный! А! Вот... И еще не влетит... II—в центроплан. II—к чорту, к чорту... 7001 6000 4001...

Собственные выстрелы—семь глухих, туповатых толчков—доходят до его мозга только через несколько секунд. Как раз тогда, когда правее его крыла, в каких-нибудь десяти сагах, точно взорвавшая чудовищной волной влетает изнервация огромная машина.

Бити!

Все поваливается вправо и вниз. Захватило дух.

Сбл?

А второй? Где же второй?

А, стрелюч! Ну погодя же, сволочи! Погоди, покойник, я тебя сейчас!

Теперь, задолбавшись яростью, он видит все ясно, очень ясно. «Гальберштадт» чорт. Точно от страшной боли, как оглушенный ударом, он мучительно раскачивается на месте. Он вдруг задирает нос, словно жавос существо в последнем вопле отчаяния и муки. А второй? Второй-то где?

¹ Кавказо-учитель. Селенья в детской школе.

Рисунки А. Шульца

Летчик Слесьнев разворачивается на 180 градусов.

Третий немец, замыкающий кальбросер, идет прежним курсом вперед, точно ничего не видит. Он много выше Слесьнев; он расуется там, на облаке, совершенно четко. Но второй-то, второй? Неужели? Да нет, не может быть! Ах, сорокочка! Ах, трус проклятый... Ушла? Ну, погодя же ты!

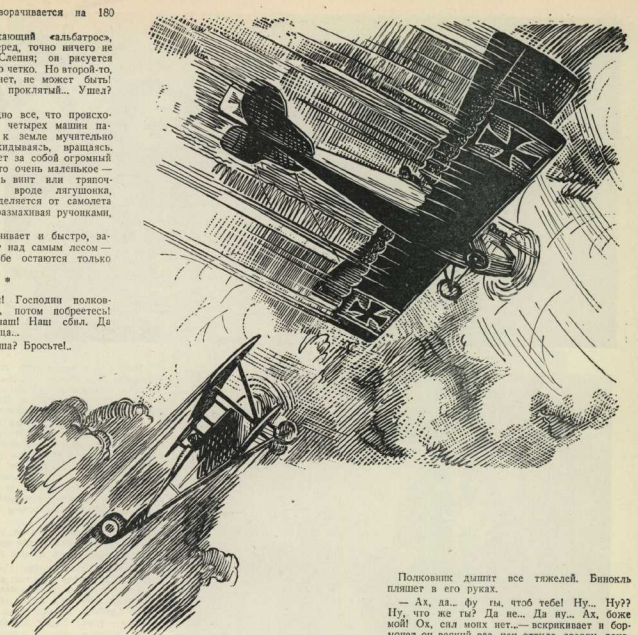
С земли прекрасно видно все, что происходит в воздухе. Одна из четырех машин падает. Она приближается к земле мучительно долго, судорожно перекачавшись, вывалилась. На высоте она распускует за собой огромной черной хвост дыма. Что-то очень маленькое — может быть, какой-нибудь винт или трипочка? — что-то чернышко, вроде лгушонка, обросшего аэстом, — отделяется от самолета и, кувыркаясь, дергается, размахивая ручонками, летит вниз.

Вторая машина поворачивает и быстро, захлебываясь ревом, уходит над самым лесом — туда, к югозападу. В нее остаются только двое...

* * *

— Александр Иванов! Господи полковник! Голубчик! Плюньте. Потом сбрызните! Боже мой! Смотрите — наш! Наш сбыв. Да самолет же наш сбыв немца...

— Наш? Что вы, родина? Бросьте!

...Маленькая птичка
обрушивается
по-
шла вверх...

— Александр Иванов, ей богу же! Ой, падает, падает. Ура-ра! Ушла. За фольмар! Александр Иванов! Цейе на крыльце... Я не могу, я бегу... Ой, сумасшедший, он гонится за вторым...

Второй самолет продолжает идти все вперед, к востоку. Меньшой — тот, что вылетел — свисает у него в тылу широкую стремительную дугу. Кажется, что он хочет срывать его этой дугой как серпом... Потом с вибрирующим певичим звоном он кидается ему вслед.

Женька Слесьнев, уже совсем оштывший, с захнутой губой, ведет машину. Страшная сила несет его по наклонной плоскости вперед и вверх. Теперь он уже ничего не боится, его сдержанность, его манерность — несравненно выше чем у того, чем у тех... Это старичок, разведчик. Правда, у них два пулемета. Ах, два! Значит, сажусь под хвост. Значит, надо подлезать к нему... Всплунуть в брочо. Карусель! Будешь? Э, нет!

Теперь немца тоже видно... Он видит теперь все, степен. Теперь уже совершенно ясно — видит! А тут, мерзавец, значит, так-таки смылся? Своего бросил?...

Их под шелью тект ручейки пота. Они режут лоб... Задний пулемет немца открывает прастрелочный ствол. Ага, загворона? Ну, лалексавот, друг! А, тем дучше. Теперь — Ног! Ног!

Женька закрывается от немца рудем немецкой же машины. Он садится немца в мертвый конус. Это на секунду, правда... Но женькина секунда — это уже 45 метров.

— Нет... Не стрелять! — сквозь зубы бормочет он. — Только не стрелять. Далеко. Женька! Не стреляй!

Он чувствует, немец тоже взял себя в руки. Немцу легче. Их двое. Великое дело — второй за спиной...

«Нэпозор» делает наглузу, вызывающую свеску, прямо за хвостом у врага. Эй вы! Видели вы класс высшего пилотажа? Ну так смотрите. Переворот! И с набором. Грамотно? Нука, «мелыаня!» Ваша же немецкая фигурка. Вот. Три петьельки подряд. Ау! Где я?

Снизу это сумасшедше красиво, увлекательно, нестрашно. Или страшно? Шут его разберет...

Плотный, рыжий человек в полковничьих погонах, с камыленной шеей, расставив ноги, стоит среди яркого извонного двора. Большая «нейс» прижат к его глазам. Обручальное кольцо ярко горит на толстом пальце. Он так запрокинул голову, что затылок его стал совсем багровым.

Хозяйка, баба с лукошком муки, даястря в дверях, испуганно выглядывает на то него, то — из-под руки — в небо.

Справа большое облако, белое как гусь. Слева — другое, круто замешанное, но поменьше. Между ними, на невыразимой высоте, в страшной карусели гонится друг за другом змеиных птиц Большая ходко идет кругом. Меньшая кидается в стороны, взлетает вверх, падает вниз, култ вокруг первой.

Полковник дышит все тяжелей. Бинобль пляшет в его руках.

— Ах, да... Фу ты, чтоб тебе! Ну... Ну?? Ну, что же ты? Да не... Да ну... Ах, боже мой! Ох, сил моих нет... — вскрикивает в бормочет он всякий раз, как оттуда, сверху, доносятся короткий, ушлый и далекий стук пулемета.

Маленькая птичка вдруг решительно пошла вверх. Быстро и, как кажется, совсем легко она вымывает выше, все выше и выше. Неожиданно она скрывается за большой. Потом... Ой нет — вот она!

Она оказывается сразу и ниже и совсем близко к машине врага. Кажется, что она, вдруг метнувшись снизу, впилась в него своим носом. Новый, немного иного тембра звук падает сверху.

Понта тучко полковник громко ахает... Он хватается за шеку, точно у него схватило зуб.

— А-а-а! О! — стонет он. — Ох... что же это? Что же ты... братец?...

Оба стремительно падают вниз. Один — камнем. Другой, большой, начинает кружиться, сначала тихо, потом все быстрее, как кленовое семечко осенью... Ниже, ниже...

— Наш! — тонко, пронзительно, баябм голосом орет вдруг полковник. — Тетка! Дура! Не видишь? Наш, степен, молочница. Вот-вот! Подряд друг! Соба! Соба! Ах, ты, мать моя!...

В этот самый миг Женька Слесьнев дает полный газ и плавно, но сильно выбирает ручку «на пунок», дооткаж. С торжествующим ревом «сильвор» отрывается от своей разставной жертвы.

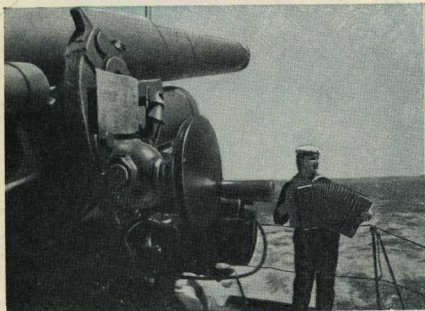
6 часов 39 минут 23 секунды. Утро первого апреля 1916 года.

Женька, не оборачиваясь, не следя за падением немца, оставляет легкой дымной следом, идет крутой горкой кверху. Мокрый до нитки Горячий. С прокушенной в кровь губой. Зем листопадней. Победитель!

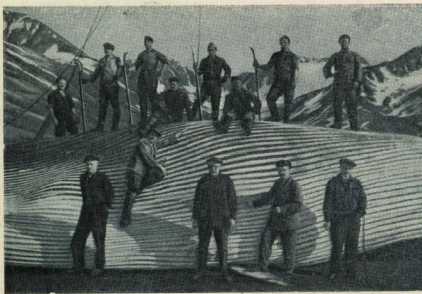

На 2

Волонтеры Винницкое строительного техникума комсомолец С. И. Марквич, Н. М. Ляценок, Е. А. Полищук и О. Д. Ковалева едут работать на Дальний Восток.

На одном из кораблей Амурской флотилии.

Группа китобоев-дальневосточников у туши убитого кита.

Накануне я видел этих парней в Хабаровске, на привокзальной площади. Они стояли, сложив вместе свои чемоданы, корзины, рюкзаки, и с интересом рассматривали панораму незнакомого города.

Так вот она, столица Дальнего Востока... Отсюда уже недалеко до места, куда они едут по путевке комсомола.

Прямо от вокзала дорога спускается вниз, а потом поднимается в гору. Вдоль дороги и высоко на холме высятся громады домов — подстать солнечным. Заходящее солнце окрасило их в яркий оранжевый цвет. Из города и в город спешат машины.

...Представитель крайкома комсомола нервничает. Посад пришел только пять минут тому назад, а он уже три раза звонил в гараж. Ему сказали, что машину за приезжими послали, сейчас она подойдет, но он не может успокоиться. Ему все кажется, что приехавшие работать на Амурскострой обижены тем, что машина не ждет их у вокзала.

Между тем ребята и не думают обижаться. После девятилетнего сидения в вагоне так приятно чувствовать под ногами твердую землю, поразмяться, полной грудью втянуть свежий воздух.

Но вот и наша машина. Погружены вещи, на ящиках расселись их владельцы, люфер дает газ, и машина несется по хабаровским улицам. Голова приезжих поворачивается то налево, то направо. Стадион «Динамо», Детский парк, цирк Шанго, большая квадратная площадь Свободы с аманитником Ленину в центре, главная магистраль города — улица Карла Маркса. Большие четырех- и пятиэтажные дома, зеленые деревья вдоль тротуаров, гладкий асфальт. Много гуляющих. Они спешат на высокий берег Амура, где, опоясывая гирляндой огня, раскинулся парк культуры и отдыха.

Блеснул темноголубой лентой Амур. Блеснул и исчез. Машина повернула влево — к пристани...

И вот мы стоим вместе на носу парохода «Дзержинский» и с нетерпением смотрим вперед. Пароход быстро отмеривает километры речного пути.

На горизонте показалась большая зеленая сопка. Она подымается прямо из воды. Амур отошел в сторону, обогая сопку и образуя большую излучину. Когда мы пройдем эту излучину, покажется Комсомольск.

Пальчатый расстойка

С. ГАРБУЗОВ

Фото Д. Дебабона

Один из красивейших уголков Дальнего Востока — мыс Гамова.

Мы еще не были в этом городе, но уже много знаем о нем. Вместе с нами едут на пароходе «старички» — комсомольчане. Самому старшему из этих «старичков» 26 лет. Они возвращаются из Хабаровска, куда ездил по делам. Все они по-ушн влюблены в свой город и безустали рассказывают о нем.

Мы уже знаем, что парашютная вышка Комсомольска — самая высокая в Союзе, что «Дземги» — так называются поселок, где за три года вырос огромный машиностроительный завод, а возле него длинные кварталы трехэтажных каменных домов, — по-нашему значит «Березовая роща» и что действительно несколько лет назад на том месте была березовая роща, а возле нее маленькое ивановское стойбище. Мы уже знаем, что, по генеральному плану строительства Комсомольска, через весь город — от речного порта, куда через час прибывает наш пароход, — до вокзала протянется семикилометровая Сталинская магистраль. И что длинной и красивой этой магистралью, конечно, не будет в Союзе. Что недалеко от Комсомольска, в отрогах Сикотэ-Алиня, комсомольцами-геологами нашли колоссальные залежи железной руды. И что этой рудой будут в будущем питаться доменные печи амурского металлургического завода.

После первых же часов беседы мне бросилась в глаза отличительная черта комсомольчан. Техник машиностроительного завода прекрасно осведомлен о том, как обстоит дело с

питьем котлованов на Амурскостроителе, рабочий военторга может подробно рассказать, как будет разбиваться парк на реке Сивинке. Каждый комсомольчанин живет интересами всего города.

А вот в Комсомольске!

Пароход обогнул соску, и в мягкой спрессованной дымке, поднима-

вшейся над противоположным берегом Амура, мы стали различать очертания города. Вначале показалась хваленая парашютная вышка, потом — трубы тепловых электростанций, портовые сооружения, краны...

— А вот взоридромонит!

— А что вот — большие каменные

Комсомольчане боялись, что мы

дома — Понисерская улица, чего-нибудь не заметим, что-нибудь да упустим, и сведения сыпались на нас со всех сторон

— Амурскостроитель там, слева, около линии железной дороги. Сейчас туда на машинах поедете!

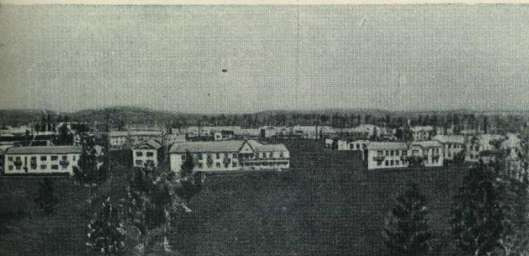
— А вам в горком партии? С пристани пойдете прямо по главной улице. Напротив горкома увидите большое четырехэтажное здание — это школа.

Сзади послышался шум мотора. Над Амуром шел самолет. Полтора часа назад вылетел он из Хабаровска и теперь, обогнав нас, развернулся по ветру и плавно опустился на воду у гидропорта.

Звонок. Тихий ход. «Деревянский» причаливает к дебаркадеру. Большие голубые буквы «Комсомольск» висят над рекой.

Здравствуй, город юности! Мы еще не дымали твоим воздухом, не видели твоих улиц, но уже любим тебя, мы ждем встречи с тобой. Прими новый отряд строителей и патриотов!

Хабаровск — Комсомольск.

Комсомольск на Амуре.

Лидия Малых, доярка-стажовка колхоза имени Декабристов, Георгиевского района, Свердловской области.

БЛИЗКО К СЕРДЦУ

Л. ПЛАТОВ

К знаменитому зоотехнику Федорову я пришла в неудачное время. Одна из коров его фермы заболела, и, как конфиденциально сообщила хозяйка, «теперь Анатолий Николаевич безусловно при ней и всем светом брезгает».

— Жалко Толю,— заметил мой получник, ветеринарный врач, вызванный в Городню на консилиум.— Он всегда принимает все это так близко к сердцу.

На нас шквалит со всех сторон, как только мы входим в коровник. В дверях томится народ. Подле больной коровы проводится консилиум. Отодвинув ведра, доярки стоят неподвижно из своих мест, стараясь не проронить ни слова.

— Со стороны легких нет откашливаний,— замечает, разгибаясь, врач.— Выслушаем сердце.

В сарае тихо. Слышно только, как коровы пережевывают жвачку и шуршат соломою под крышей: какая-то птица устремляется на ночь.

Федоров ведет врачей мыть руки. Премещая, сидящий у наполненных молоком бидонов, заглянув в его лицо, говорит неспешно:

— А Саша дала сегодня 43 литра, Анатолий Николаевич. И Симпатичная прибавила...

Примечик торопится порадовать этими новостями Федорова, подобрить его.

Федоров — совсем юноша. Движения его ве-

в одном из отдаленных уголков Московской области, в месте, которое до недавнего времени считалось глухим, отсталым колхозной молочно-товарицкой фермой (МТФ). Тут городниские колхозники с достоянием поправят вас: «МТФ», — скажут они. «Я» означает «Именина». Отборный колхозорский слог стонет на скотном дворе колхоза: красавица быль, коровы резервной удобности, хорошие телата. Из дурных колхозов привезают сюда животных, да побольшевать на ферму и поучиться у городничевых выставляющих слог.

МТФ Городнинского колхоза имени Вуденного в числе самых передовых в Советском Союзе. Правительство наградило лучших работников фермы орденами Ордена ООР и медалями.

потеряли еще угловатости, на худом лице долбры метательная улыбка. На спине халате поблескивает медаль «За трудовую доблесть».

— Нет, стихов я никогда не писал,— отвечает он рассеянно на мой вопрос.— На пианино играю, на уталаю. Когда-то я очень увлекался музыкой, готился в консерваторию, но потом, зрело обдумав, выбрал зоотехнику.

Мы сидели в его мальшном кабинете, рядом с хатой-лабораторией.

— Видите ли,— продолжает Федоров,— здесь я скорее мог принести практическую пользу. Я очень спешил это сделать. В те годы много писалось в газетах об отставании животноводства. Это было узкое место, очень нужные были люди.

Днем Федоров занимался в сельскохозяйственном техникуме, а вечером — в музыкальном. После вылука его называли в Городню.

Тихо было здесь. Тшина оглушила с непривычки. В минуты отдыха, чтобы не чувствовал себя таким одиноким, Федоров принимался представлять, как он приедет в отпуск домой. Наскоро подоровавшись с сестрой и ее мужем, он пробавет прямо из передней к пианино. Пусть обжигаются на него родичи и знакомые,— он весь свой отпуск проведет подле пианино, повторяя одну за другой старые любимые вешки...

Однажды в чудное колхозное клубы он наткнулся на то, что было повидному, в свое время рокам. Сейчас в этом почти немом ящике работала всего одна чудом уцелевшая клавиша. Федоров рал был и этой клавише. В часы, когда никого не было поблизости, он приставлялся к исколеченному инструменту и перебирал его сухо потрескивающие косточки. В голове пролебали знакомые мелодии, вальсы романсы. Забывая влюблен! Он вскоре оставил ее, чтобы не показаться смешным.

Полтавская победа.

Фрагмент картины художника А. В. Козлова.

Оборона Полтавы

[Героическая страница прошлого нашей родины]

С. БЕЗБАХ

Оборона Полтавы — одна из ярчайших эпизодов петровских войн начала XVIII века. О том, как 6¼-тысячный гарнизон маленькой крепости 2¼ месяца героически оборонялся от 30-тысячной армии шведского короля Карла XII, считается лучшей в мире, упоминают лишь несколько, в связи с полтавским сражением. Между тем оборона Полтавы заслуживает того, чтобы о ней знали широкие массы трудящихся, звала молодежь нашей великой родины.

* * *

Южнее, почти окраинное положение Полтавы, близ степей, где хозяйничали крымские татары, вызвало сооружение вокруг города невысокого земляного вала в деревянной одежде. На валу был построен палисад из бревен. Большая часть вала проходила над обрывом долины реки Ворсклы и была почти неприступна. Перед меньшей частью, обращенной к равнине, был вырыт ров, затрундивший штурмовые действия осаждающих. Шесть крепостных ворот было соделано защищенными. Но все же при тогдашней военной технике взять крепость было довольно легко, тем более что укрепления Полтавы пришли в ветхость.

Когда войска Карла XII осенью 1708 года по призыву изменника гетмана Мазепы пришли на Украину, Петр приказал спешно исправлять укрепления городов. Были приведены в порядок и запущенные укрепления Полтавы. Но и в исправленном виде крепость серьезного боевого значения не имела.

Было позволено и вооружение крепости. К весне 1709 года она имела 22 медных и 6 чугунных пушек и к ним 620 ядер, 100 мешков картечи, 10 мешков дробы железной и 24 пуда пороха пушечного. Этого было явно недостаточно для длительной обороны.

Главную силу представляли люди. Петр умел их выбирать. Командантом крепости он еще зимой назначил полковника Алексея Степановича Келена, храброго и энергичного человека, героя взятия Хотюбурга (1702 год), Дерпта и Нарвы (1704 год), пользовавшегося безграничной любовью и уважением подчиненных.

Под командой Келена находился 4-тысячный гарнизон. Две с половиной тысячи мужчин — жители Полтавы — были тоже вооружены. Эти 6¼ тысяч человек, воодушевленные Келеном, сумели протivotоять шведам, так как

любили свою родину и ненавидели захватчиков.

Необыкновенно холодная зима, отсутствие продовольствия, враждебное отношение украинского населения, постоянные нападения русских войск — все это создало для шведов очень трудные условия. Вставал вопрос: что же дальше? Что делать с наступлением весны?

Запорожский атаман Гордиенко и Мазепа посоветовали Карлу XII взять Полтаву, и он ухватился за эту мысль. При удаче можно было воспользоваться находившимися в Полтаве запасами, которые, по словам изменников, были велики. Кроме того взятие Полтавы должно было показать украинскому населению, что шведы еще достаточно сильны и могут победить войска Петра. И, наконец, взяв Полтаву, шведы приобрели спорный пункт на Украине, где можно было бы продержаться до прихода подкреплений от польского короля или от турецких и крымских татар, которых уже давно пытался поднять против Петра Мазепа. Может быть, Карл XII рассчитывал и на то, что Петр в целях спасения Полтавы рискнет на решительное сражение, которого давно уже искал король. В успехе его в пользу шведов он, по-видимому, не сомневался.

Советскому композитору М. Либриуну удалось составить такую, где три белые пешки одна за другой превращаются в слабые фигуры: в коня, в ладью, в слона. Вот этот замечательный этюд:

Белые, начиная, выигрывают.

При первом взгляде на позицию кажется, что выигрыш для белых не представляется никак возможным, ведь у них лишняя фигура и далеко продвинутое проходное пешки. Но черные грозят дать мат (Ф7), от которого белые должны защищаться. Они играют:

1. Кf6—e4 + Крe3—d3
2. Кf4—e5 + Крd3—d3
3. Кe5—b3 . . .

Белые избирают от сильной угрозы, но борьба еще только начинается!

3. . . . . Чb8—e5!
4. f2—f4 . . . . . Сe5—g7!
5. e7—e8K! . . . . .

Необходимо напасть на слона, иначе черные ополчат королю с шахом и вскоре заматуют белых.

5. . . . . Сg7—b8
6. f4—f5 . . . . . Чb8—e5
7. Сg1—h2 . . . . . Сe5—h2
8. h6—h7 . . . . . Чh2—e5
9. h7—b8C! . . . . .

Нельзя. 9.b8Ф Крe4 + 10.Ф: e5 cФ + 11. К: c1 пат!

9. . . . . Сe5—b8
10. Кe8—c7! . . . . . Чb8—c7
11. e6—e7 . . . . . Сe7—e5
12. e7—e8!! и выигрывают.

Три «ловушки»

С первых же ходов на шахматной доске открываются возможности для самых неожиданных комбинаций. Малозаметная с первого взгляда оплошность может привести к быстрому проигрышу. Ниже напечатаны три дебютных «ловушки». Нашим читателям нужно познакомиться с ними для того, чтобы не попасться, а при случае уметь применить их на практике.

1. e2—e4 . . . . . e7—e5
2. Кf1—f3 . . . . . Кb8—e6
3. Cf1—c4 . . . . . Кb8—c6
4. Кb1—c3 . . . . . Сc8—g4
5. h2—h3 . . . . . Сg4—b5

Желаю сохранить связь между коня. Но..

6. Кf3: e5!! Чh5: d1
7. Сe4: f7 + ... Крe3—e7
8. Кc3—e5 X!

Если бы в шахматное дело черные ответили Кb5: c5, то после 7. Фd1: b5 Кe5: c4 8. Фb5—b5+ они потеряли бы пешку. Предлагаем нашим читателям самим решить, почему белые не могли

начать свою комбинацию без предварительного хода 5. h2—h3.

1. e2—e4 . . . . . e7—e5
2. Кg1—f3 . . . . . Кb8—e6
3. Cf1—c4 . . . . . Кc6—d4?

Стабильн. но «ежидный ход». В ответ на него следует играть просто Кf3: d4, получив лучшую игру. Но белая, если белая соблазняется «выигрешем» пешки:

4. Кf3: e5? . . . . . Фh8—g5!
5. Кe5: f7 . . . . . Фe5: g2
6. Лf1—f1 . . . . . Фe2: e4 +
7. Сe4—e2 . . . . . Кd4—f3 X!

Наконец, еще одна «ловушка», уже из области ферзевой дебюта:

1. d2—d4 . . . . . d7—d5
2. c2—c4 . . . . . e7—e6
3. Кb1—c3 . . . . . Кg8—f6
4. Cf1—g5 . . . . . Кb8—d7
5. c4: d5 . . . . .

Белые решили выиграть пешку.

5. . . . . e6: d5
6. Кc5: d5 . . . . . Кf6: d5!
7. Сe5: d8 . . . . . Сb4 +
8. Фd1—d2 . . . . . Сf4: d2 +
9. Крe1: d2 . . . . . Крe8: d8

В результате всех разменов у черых лишняя фигура.

Результаты XXII конкурса

В этот конкурс решены двадцать композиций, напечатанные в №№ 1, 2 и 4 нашего журнала. Всего в конкурсе участвовало 186 человек. Максимальное количество очков (56) набрала гг. Г. Либриун (Москва), В. Берлин (Воскресенск), В. Гавриленко (с. Кебрасовка, Кировоградской области), Л. Семсаевский (Павия) и Н. Пирогов (Москва). Вслед за ними идут А. Питкевич (Пролокис, Могилевской области)—51 очко, П. Брусинкин (Пельва)—50 очков, А. Шмаков (г. Шарья)—47 очков, А. Малышев (г. Шарья)—47 очков,

Р. Пономарев (Москва)—47 очков, А. Понинадоуло (Ленинград)—47 очков, И. Гладких (Харьков)—47 очков, А. Спирин (Селатоволь)—44 очка, И. Рельас (Черныгов)—44 очка и А. Пугачевский (Кременчуг)—44 очка. Эти товарищи получают премии.

Вслед за примерами встали: В. Гринши (Харьков), С. Семенов (Москва), Л. Головин (Москва), А. Дыдаль (Пермь), В. Мазасев (Москва), Е. Каулин (Шибенич), В. Федорин (Ненга), И. Горелин (Фелогия), Г. Чижевкин (Полочк) и другие.

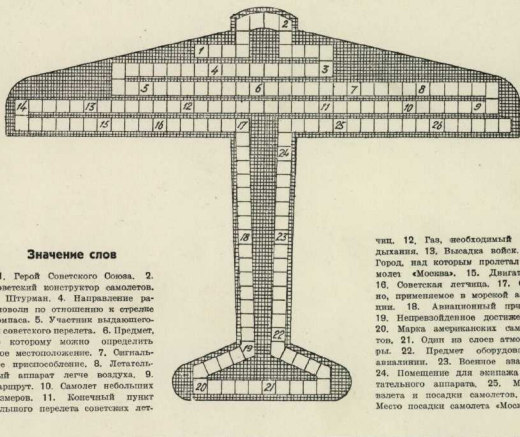
Решения («Смена» №№ 6 и 7)

Задача № 108. 1. Крh2—b1.
Задача № 109. 1. h5: g6.
Задача № 110. 1. Фf5—h3.
Задача № 112. 1. Фb8—b11
Крf7: f6 2. Фb1—h7! Крf6—e6
3. Фh7—g6X; если 1. . . . Крf7—g8 (Крe8), то 2. Фb1—g6+!
1. . . . Крf7—f8 2. Фb1—h7 и т. д.
Задача № 113. 1. Сe8—d5!
Крh5—g5 2. Cd5—e4! и с. . . .
Крh5—g6, то 2. Ce1—h4! и т. д.

Задача № 114. 1. Кe5—e6!
Задача № 115. 1. Крb4—c4.
Задача № 117. 1. Лd3—d1!
a6: b5 2. Кc4—d2! Крd5: d4
3. Кd2—c1 X; если 1. . . . a5—a5,
то 2. Сb4—d2! и т. д.
Этюд № 21. 1. Сe8—h7 +
Крe4—d4! (Если 1. . . . Крe4—f4,
то 2. Фb3—g3 X и выигрывают).
2. Фb3—h4 + Крd4—d5
3. Чh7—g8 + и выигрывают.

АВИАЦИОННЫЙ ЧАЙНВОРД

Составил С. П. и А. С.

Значение слов

1. Герой Советского Ордена.
2. Советский военизированной самолёт.
3. Пугунья.
4. Направление радиоволн по отношению к стрелке компаса.
5. Учетный вылазок самолета советского перелета.
6. Предмет, по которому можно определить свое местоположение.
7. Сигнальное приспособление.
8. Летательный аппарат легче воздуха.
9. Маршрут.
10. Самолет небольшого размера.
11. Конечный пункт большого перелета советских лет.

12. Газ, необходимый для дыхания.
13. Высадка воздуха.
14. Город, над которым пролетел самолет «Москва».
15. Двигатель.
16. Советская летчица.
17. Судно, применяемое в морской авиации.
18. Авиационный прибор.
19. Непрерывное достижение.
20. Марш американских самолетов.
21. Один из слоев атмосферы.
22. Предмет оборудования авиации.
23. Военное значение.
24. Помещение для экипажа летательного аппарата.
25. Место взлета и посадки самолета.
26. Место впадения самолета «Москва».

Зам. ответ. редактора М. А. Гольдберг.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-34-24

Формирование В. И. Урина.

Сдано в набор 26/VI 1939 г. Подписано к печати 3/VIII 1939 г.
Уполномоченный Главлита № А-14851. Технический редактор

Изд. № 724. Формат 72 X 110 см. 3 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.
Б. М. Фейгин. Зак. 2146 Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Цена 1 рубль

